УДК/UDC 343.13

Деформализация уголовного судопроизводства в контексте развития цифровых технологий: российские реалии и зарубежный опыт

Руденко Дарья Алексеевна
Аспирант кафедры уголовного процесса и криминалистики
Санкт-Петербургский государственный университет
г. Санкт-Петербург, Россия
e-mail:d.rudenko@lenrezerv.ru
SPIN-код: 6561-8610

Аннотация

В статье автором рассматриваются вопросы оптимизации, цифровизации и объективизации проведения субъектами, осуществляющими уголовный процесс, следственных и иных процессуальных действий. В частности, анализируется такое явление, как электронное уголовное дело, которое стало результатом развития современных криминалистических механизмов. Отмечается, что основная функция электронного документооборота в уголовном делопроизводстве должна быть направлена на облегчение взаимодействия между звеньями уголовной, уголовно-исполнительной системы и всеми участниками уголовного судопроизводства. Рассматривается опыт иностранных государств по внедрению электронного судопроизводство, в частности Республики Казахстан, Республики Франция, Республики Беларусь, США и др. В заключении автор делает выводы о перспективах заимствования зарубежного опыта для развития уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

Ключевые слова: деформализация, электронное уголовное дело, цифровизация.

Deformalization of criminal proceedings in the context of the development of digital technologies: Russian realities and foreign experience

Rudenko Darya Alekseyevna
Postgraduate student of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics
Saint-Petersburg State University
Saint-Petersburg, Russia
e-mail:d.rudenko@lenrezerv.ru
SPIN Code: 6561-8610

Abstract

In the article, the author examines the issues of optimization, digitalization and objectification of the conduct of investigative and other procedural actions by the subjects carrying out the criminal process. In particular, the author analyzes such a phenomenon as an electronic criminal case, which is the result of the development of modern forensic mechanisms. It is noted that the main function of electronic document management in criminal proceedings should be aimed at facilitating interaction between the links of the criminal, penal system and all participants in criminal proceedings. The experience of foreign countries in the implementation of electronic legal proceedings, in particular the Republic of Kazakhstan, the Republic of France, the Republic of Belarus, the USA, etc., is considered. In conclusion, the author draws conclusions about the prospects for borrowing foreign experience for the development of criminal justice in the Russian Federation.

Key words: deformalization, electronic criminal case, digitalization.

В последние годы наблюдается стремительное внедрение высокотехнологичных разработок и новшеств в различные сферы российского общества и деятельность органов власти и управления. Так, «Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» определены приоритетные направления внутренней политики, такие как развитие информационных и коммуникационных технологий, формирование информационного пространства и соответствующей инфраструктуры [1].

Юридическая отрасль не является исключением и специалисты, осуществляющие деятельность в области права, могут наблюдать, как происходит цифровизация судебного процесса путем создания различных автоматизированных систем, таких как, например, «КАДАрбитр» и «ГАС Правосудие». В судопроизводстве активно развивается примене-

ние видеоконференцсвязи и иных методов взаимодействия между участниками процесса. Однако, несмотря на такие темпы развития, ситуация, сложившаяся в результате пандемии коронавирусной инфекции, показала, что Российская Федерация не в полной мере готова к столь быстрой цифровизации всех сфер общественной жизни и деятельности. Многие технологии оказались внедрены экспериментальным путем без достаточной степени исследования, методологических разработок и нормативно-правовой базы. В этой связи позднее, 21 июля 2020 г., был издан Указ Президента, где «цифровая трансформация» была закреплена в качестве одной из национальных целей на период до 2030 г. [2]. Соответственно в т. ч. перед российской системой правосудия оказалась поставлена задача не только лишь скорейшего внедрения цифровых технологий, но и создания достаточных условий для их надлежащего функционирования. В частности, существенная часть необходимых разработок должна быть направлена на развитие возможностей использования современных технологий при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел.

В связи с неизбежной тенденцией цифровизации этапов работы с уголовными делами и потребности в максимальной эффективности уголовного судопроизводства видится необходимым рассмотрение данного вопроса в контексте объективной возможности упрощения всех текущих следственных и судебных процессов. В частности, представляется актуальным применение к данному явлению такого понятия, как «деформализация», под которой понимается оптимизация, цифровизация и объективизация проведении субъектами, ведущими уголовный процесс, следственных и иных процессуальных действий, позволяющая оперативно и качественно устанавливать обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также в конечном итоге получать доказательства, отвечающие свойствам относимости, допустимости, достоверности и достаточности доказательств в уголовном судопроизводстве [3].

Сущность деформализации уголовного судопроизводства неразрывно связана с успешно развивающейся в зарубежных странах практикой ведения уголовных дел в электронном формате. Данный опыт

активно реализуется в различных формах в Федеративной Республике Германия, Республике Сингапур, Королевстве Нидерландов, США, Королевстве Саудовская Аравия, Республике Казахстан и правопорядках других стран.

Рассматривая перспективы появления электронного уголовного дела в России, необходимо отметить, что данная идея вовсе не нова и попытки создания различных программно-аппаратных комплексов, приложений и разработок уже имели место, однако до сих пор в полной мере не получили своего развития [4]. К значимым шагам по внедрению концепции электронного дела можно отнести введение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее по тексту — УПК РФ) в 2020 г. ст. 474.1 «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве», которая закрепляет возможность подачи в суд ходатайства, заявления, жалобы и представления в форме электронного документа и изготовление (за небольшим исключением) судебных решений в такой форме, подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью. Однако все подобные обращения в суд после их соответствующей обработки в целях приобщения к материалам судебного производства в суде распечатываются, что отчасти нивелирует преимущества концепции.

Вопрос о том, какие функции и возможности должны предусматриваться при разработке концепции электронного уголовного дела в Российской Федерации, тесно связан с пониманием того, какие аспекты следственной и судебной работы сами по себе являются неэффективными и нерациональными с точки зрения времени, ресурсов и логистики.

Так, видится, что основная функция данного нововведения должна быть направлена на облегчение взаимодействия между звеньями уголовной, уголовно-исполнительной системы и всеми участниками уголовного судопроизводства. На сегодняшний день процессы формирования томов уголовного дела, составления описей и сопроводительных писем, передачи материалов дела из органов следствия в прокуратуру, а далее в суд требуют значительных затрат времени и ресурсов. Вместо того, что-

бы осуществлять глубокий правовой анализ материалов дела, проводить следственные действия, сотрудник правоохранительного органа вынужден заниматься рутинной и трудоемкой работой, для которой вовсе не требуются его квалификация, познания в материальном и процессуальном праве. Данная неэффективность проявляется также при конвоировании заключенных в суд и для производства следственных действий.

Крайне успешным примером деформализации данного аспекта уголовного судопроизводства выступает опыт Республики Казахстан, где в рамках реализации государственной программы «Цифровой Казахстан» Генеральной прокуратурой в 2017 г. был внедрен модуль «Электронное уголовное дело», интегрированный с судебной информационной системой. Впоследствии Приказом Генерального Прокурора № 2 от 3 января 2018 г. была утверждена Инструкция о ведении уголовного судопроизводства в электронном формате. Среди основного функционала данной системы и особенностей ее функционирования следует назвать: доступ в систему посредством трехфакторной аутентификации, утвержденные шаблоны базовых процессуальных документов, нанесение подписей на процессуальные документы посредством графического планшета, упрощенное получение сведений из государственных баз данных, «SMS-повестка», веб-портал «Публичный сектор» (электронное взаимодействие органов уголовного преследования с адвокатами и участниками процесса), «е-Жалоба» подача участниками процесса жалоб в онлайн режиме, АРМ «Криминалист» (электронное назначение и получение криминалистических исследований), АРМ «Эксперт» (электронное назначение и получение судебных экспертиз) [5].

Что касается России, то на заседании Совета судей Российской Федерации в июле 2020 г. председатель Совета судей Российской Федерации В. В. Момотов анонсировал разработку сервиса «Правосудие онлайн», который позволит внедрить автоматизированное составление проектов документов, перейти на электронный документооборот, распространить дистанционный формат подачи и получения судебных документов, а также дистанционное участие в судебном процессе. Председатель Верхов-

ного Суда Российской Федерации также пообещал в ближайшем будущем законодательно урегулировать применение современных технологий в судопроизводстве, в то время как у зарубежных коллег это ближайшее будущее уже давно наступило, и их опыт может быть взят за основу [6].

В качестве одного из важнейших элементов осуществления электронного судопроизводства следует признать возможность электронного санкционирования следственных действий и рассмотрения ходатайств об избрании мер пресечения. Такая практика уже внедрена в Республике Казахстан, где в результате нововведения сократились как сроки решения указанных вопросов и риски побега, так и финансовые затраты на службу конвоирования, затраты, связанные с износом автотранспорта и расходом топлива [5].

Еще одним направлением деформализации может выступать совершенствование документального обмена судебных и следственных органов с экспертными учреждениями. Успешный опыт функционирования подобных инструментов можно наблюдать во Французской Республике, где используется созданная при активном сотрудничестве экспертов, адвокатов и представителей системы правосудия платформа Opalexe [7], предназначенная для цифровизации судебно-экспертной деятельности. Как видится, сам по себе процесс передачи документов в экспертное учреждение в России является длительным и трудоемким, т. к. требует от правоохранительных органов формирования внушительного пакета процессуальных и сопроводительных документов. Обеспечение возможности их загрузки в единую систему, несомненно, позволило бы избавить как сотрудников правоохранительного органа, так и работников экспертного учреждения от рутинной работы и ускорило бы обмен документами между ними.

Также, говоря о деформализации за счет облегчения взаимодействия, некоторые исследователи отмечают необходимость закрепления на законодательном уровне порядка действий следствия, суда, экспертов и организаций по получению удаленного доступа в базы данных предприятий [8]. Предоставление такого доступа, по мнению ученых, долж-

но осуществляться по аналогии с аудиторскими организациями. Так, у аудитора отсутствует необходимость запрашивать документы и имеется возможность оценить весь объем учетной информации, не отвлекая сотрудников предприятия от рабочего процесса. Очевидными плюсами таких нововведений следует назвать минимизацию изъятия ненужных документов, оперативность получения необходимой информации, снижение трудовых, финансовых и временных затрат за счет получения информации в электронном виде, а не на бумажных носителях.

Однако деформализация уголовного судопроизводства не должна сводиться к одной лишь разработке единых баз обеспечения документооборота, принятия решений и облегчению доступа. Достижение максимальной эффективности может осуществляться путем приспособления и адаптации достижений математических, технических и естественных наук и уже существующих цифровых технологий и информационных систем, созданных для других областей, к целям и нуждам уголовного судопроизводства.

Так, например, одним из перспективных направлений в практическом развитии научно-технической базы является внедрение 3D-технологий, которые получили свое развитие и распространение во многих сферах, начиная от производства и заканчивая образованием и медициной. С помощью современных 3D-разработок уже стало осуществимо моделирование как отдельных объектов (например, автотранспорта), так и каких-либо процессов (например, механизма дорожно-транспортного происшествия или крушения самолета) [9]. Видится, что наличие широкого перечня уже апробированных результатов, максимальная регламентация технического применения и широта распространения могут служить основой для постепенного внедрения 3D-технологий в уголовное судопроизводство.

Например, для осмотра и фиксации происшествий, связанных с автотранспортом, компания FARO Techno logiesInc разработала программно-аппаратный комплекс, в комплект которого входит 3D-сканер FaroFocus 3D и специализированное программное обеспечение

DTP 3D, которое используется уже для проведения автотехнической экспертизы, а именно для реконструкции ДТП и создания его трехмерной модели [10]. Несомненно, разработки в данном направлении способны упростить процесс установления истины и по уголовным делам.

Другой стороной деформализации уголовного судопроизводства за счет использования 3D-технологий выступает то, что они активно внедряются в проведение судебно-медицинской экспертизы. Так, исследователи отмечают, что научно-практические разработки и реализация методик использования компьютерной томографии и техники 3D-изображений в практике судебно-медицинских исследований, наряду с традиционными, позволяет не только качественно улучшить результаты следственной и экспертной работы, но и получить максимум информации в минимальный срок [11]. В качестве примера успешного иностранного опыта можно привести внедрение в повседневную практику судебно-медицинских экспертов США, Государства Швейцария, Республики Франция и Республики Казахстан процедуры виртуальной аутопсии с применением 3D-технологий [12]. Как видится, такие разработки должны развиваться и в Российской Федерации. Ученые отмечают, что существует потребность в разработке ныне отсутствующих стандартизованных методик по применению «виртуальной аутопсии» в судебно-медицинской экспертной практике [13].

Интересным видится вопрос о внедрении искусственного интеллекта в уголовное судопроизводство с целью его деформализации. Это направление является очень разноплановым и обсуждаемым во всем мире, т. к. искусственный интеллект может применяться для широкого спектра целей. Так, например, на пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия была принята Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях, в которой были закреплены основные принципы использования искусственного интеллекта в судопроизводстве [14].

Говоря о практике внедрения искусственного интеллекта, отметим, что ряд технологий, составляющих искусственный интеллект, уже плот-

но вошел в повседневную работу по криминалистическому и судебно-экспертному сопровождению расследования преступлений при обнаружении доказательственной и ориентирующей информации.

В то же время нельзя не сказать о ключевых препятствиях интеграции алгоритмов искусственного интеллекта в уголовный процесс. К таковым можно отнести, в первую очередь, сложности научного обоснования этих методов и генерируемых ими результатов, а также воспроизводимости этих методов и, как следствие, получаемых выводов и результатов.

Рассуждая о путях преодоления таких ограничений, исследователь А. А. Бессонов отмечает, что следует фокусировать внимание на необходимости обеспечения при использовании алгоритмов искусственного интеллекта таких результатов и выводов, которые могут быть поняты и интерпретированы специалистами-людьми [15]. К этому следует добавить утверждение Н. Г. Загоруйко, который полагает, что алгоритмы искусственного интеллекта должны обеспечивать прозрачность результата для человека и машины, заключающуюся в его понятности пользователю-нематематику и в то же время пригодности для дальнейшей обработки в качестве компьютерной информации [16]. Исходя из этого, искусственный интеллект в следственной, экспертной и судебной работе концептуально следует рассматривать не в качестве замены сотрудника соответствующего органа, а как способ освобождения его от рутинной работы и ускорения процесса получения результата.

Как видится, с этими утверждениями корреспондируют принципы вышеупомянутой Хартии, согласно которым используемые в системе судопроизводства алгоритмы искусственного интеллекта должны быть прозрачными, беспристрастными и достоверными, т. е. основываться на доступных и понятных методах обработки данных, позволяющих осуществить внешнюю проверку логики, лежащей в основе предлагаемых решений и предоставлять пользователю такой объем информации, который необходим для контроля над обоснованием выбираемого решения.

Представляется, что разработчики в сфере искусственного интеллекта и его пользователи должны стремиться к выходу на такой уровень создания методов, который обеспечит достаточный баланс между их прозрачностью и объяснимостью с одной стороны и высокой мощностью, производительностью и точностью с другой. В научной литературе такое сочетание получило наименование «объясняемый искусственный интеллект». Алгоритмы объясняемого искусственного интеллекта являются тем инструментарием, который может использоваться в следственной, судебной, судебно-экспертной деятельности.

Данное условие можно продемонстрировать на примере практического зарубежного опыта научно-практического центра Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь, где иностранные коллеги активно используют алгоритмы искусственного интеллекта в качестве метода исследования пыльцы. Так, анализ пыльцы, оставленной на небольшом фрагменте поверхности в случае производства работы вручную, предполагает исследование каждой частички по справочнику, а значит, и огромные затраты времени. По этой причине для указанной задачи используется искусственный интеллект, который с этой задачей справляется гораздо быстрее, однако требует, чтобы эксперт контролировал процесс и анализировал полученный результат [17].

Говоря об иных практических проблемах, следует сказать о том, что большая часть из них связана с необходимостью обеспечения системы защиты данных и конфиденциальности во избежание фальсификации доказательств, получения бесконтрольного доступа к базам данных, в т. ч. персональным данным, сведениям, составляющим охраняемую законом тайну.

Такая необходимость во многом связана с развитием такого понятия, как «цифровой след», которое возникло в результате закономерностей образования, движения и видоизменения потоков криминалистически значимой информации с использованием компьютерных средств и систем. По мнению многих ученых, такие следы должны именоваться «виртуальными» и занимать промежуточное положение между иде-

альными и материальными. Такой позиции придерживается, например, В. А. Мещеряков [18]. При этом наиболее полной представляется позиция Е. Р. Россинской и И. А. Рядовского, которые в качестве свойств цифровых следов называют невозможность восприятия непосредственно органами чувств, а только с помощью специальных устройств и программ; требование новых, отличных от традиционных, способов, методов и процедур по обнаружению, фиксации и обеспечению их сохранности [19].

Появление цифровых следов в качестве самостоятельных объектов оказывает существенное влияние на особенности судебно-следственной работы. Причина заключается в том, что такие следы доступны восприятию человеком только посредством использования специализированных программных и аппаратных средств, осуществляющих декодирование и визуализацию в привычной графической, текстовой или звуковой форме. Соответственно, проблемой выступает необходимость правильной интерпретации понимания технической стороны создания, хранения и передачи, а следовательно, наличие сходной технологии изъятия, фиксации и обращения такого рода доказательств.

Нивелирование данных рисков может также осуществляться за счет использования опыта зарубежных коллег. Так, в Республике Казахстан любой доступ к применяемой системе предоставляется только по защищенному каналу связи в единой транспортной среде государственных органов (ЕТС ГО). Для защиты каналов связи устанавливаются специальные программно-аппаратные комплексы CERTEX VPN (шифраторы). В систему е-УД следователь, дознаватель, их начальники и прокурор заходят посредством трехфакторной авторизации (ЭЦП, логин/пароль и отпечаток пальца). Все их действия фиксируются в модуле «Журналирование событий», предназначенном для контроля за действиями должностных лиц по конкретным делам (фиксируется, кто и когда имел доступ к уголовному делу, просматривал, вводил сведения о произведенных следственных действиях, редактировал и т. д.). В целях обеспечения безопасности от возможных хакерских атак и выявлению уязвимостей системы на постоянной основе проводятся санкционирован-

ные DoS-атаки с привлечением специалистов Центра анализа и расследования кибератак [5].

Кроме того, для минимизации указанных рисков допустимо разработать такую систему контроля, при которой бы фиксировались соответствующие действия сотрудников путем видеозаписи, записи экрана. Так, например, В. В. Зозуля предлагает на законодательном уровне предусмотреть возможность осуществления видеозаписи при проведении следственных действий с автоматической системой видеозаписи в служебных помещениях органов предварительного расследования в уведомительном порядке [20].

Соответственно, стремление к деформализации требует качественного изменения требований к квалификации и образованию кадров, т. к. они будут обязаны обладать знаниями различных программных комплексов и программ.

В российских реалиях восприятие возможностей оптимизации и упрощения процесса зачастую сталкивается с препятствиями в виде внутренних сложившихся особенностей организации, статистических данных, низкого уровня подготовки кадров. К сожалению, многие перспективные нововведения и институты, разрабатываемые законодателем и преследующие благую цель, нередко получают иллюзорное воплощение и упираются в формализм.

В качестве яркого примера того, как законодательная цель оптимизации уголовного судопроизводства не была достигнута из-за столкновения с устоявшимися следственной традицией и статистикой, можно привести такой институт, как прекращение уголовного дела в связи с примирением с потерпевшим, закрепленный в ст. 25 УПК РФ. Так, законодатель при разработке указанного института рассматривал его как позволяющего сократить следственные и судебные процессы по тем делам, которые представляют меньшую общественную опасность в силу наличия определенных условий. Соответственно, при соблюдении указанных условий заявление потерпевшего о прекращении уголовного дела на стадии следствия должно было служить целям оптимизации работы

всей правоохранительной системы, т. к. отсутствовала бы необходимость продлевать сроки следствия и меры пресечения, процессуально оформлять окончание следствия по ст. 217 УПК РФ, составлять и вручать обвинительное заключение, направлять его прокурору, передавать дело в суд и рассматривать его в судебном порядке. Однако на практике ситуация складывается таким образом, что в силу того, что соответствующее прекращение, даже при соблюдении всех необходимых условий, является лишь правом следователя, данное право воспринимается как обязанность отказать в удовлетворении ходатайства и каждый раз направить дело в суд для реализации этого института в судебном процессе. Соответственно, несмотря на законодательную возможность сокращения всех этапов, результат в виде прекращения достигается за редким исключением лишь в суде, причем зачастую с согласия прокурора.

Таким образом, подводя итоги проведенному исследованию возможностей применения современных технологий в уголовном судопроизводстве и его деформализации, следует отметить, что темп роста объемов хранимой и передаваемой информации, а также скорость появления новых технических средств и разработок делают невозможным раскрытие, расследование и рассмотрение уголовных дел прежними методами. Это означает, что требуется повышение компьютеризации и автоматизации уголовного процесса, внедрение автоматического получения и исследования данных, что в, свою очередь, значительно увеличивает сложность инструментальной базы.

Представляется, что в силу активной цифровизации окружающего мира может осуществляться адаптация уже имеющихся технологий и устройств. В то же время в отношении новых объектов, таких как, например, цифровые следы, требуется комплексный подход ко внедрению современных технологий и разработка новых методик расследования преступлений.

При этом, вне зависимости от эффективности новых технологий, решающая роль, как видится, всегда должна оставаться за человеком.

Нельзя забывать, что любое изобретение служит лишь средством облегчения работы и базой для выводов и решений.

Список литературы:

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41919 (дата обращения: 07.11.2021).

2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 // СПС «Гарант». URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/ (дата обращения: 07.11.2021).

3. Назаров А. Д. Движение к деформализации в доказывании по уголовным делам // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXIV международной научно-практической конференции, Красноярск, 08–09 апреля 2021 года. Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. С. 140–141.

4. Янушко А. В., Бабанин А. В., Кузнецова О. А. и др. Защищенный аппаратно-программный комплекс центра хранения электронных копий материалов уголовного дела // Безопасность информационных технологий. 2011. № 1. С. 21–29.

5. Тлеубаев Д. К., Иманбаев С. М., Карымсаков Р. Ш. Цифровизация Уголовного процесса в республике Казахстан: становление и практика применения // Colloquium-journal. 2021. № 11 (98). С. 31–37.

6. Успехи новых судов и осторожность в соцсетях: что обсудили на Совете судей // Сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/ mass_-media/29094/ (дата обращения: 24.10.2021).

7. La plateforme de dématerialisation des expertises judiciaires // URL: https://www.opalexe.fr/opalexe/ (дата обращения: 06.10.2021).

8. Саркисян А. А. Цифровые базы данных в судебно-экспертной деятельности // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2020. №6 (70). С. 133-140.

9. Карлова А. В. Метод 3D-моделирования в современной судебной экспертизе // MODERN SCIENCE. 2020. № 1-3. 2020. С. 81–85.

10. Современные технологии в экспертной деятельности : учебное пособие / Н. А. Жукова, И. А. Ярощук, Е. А. Яковенко. Белгород: ИД «БелГУ» НИУ «БелГУ», 2021. 52 с.

11. Ярмак К. В. Основные направления развития 3D-моделирования в криминалистике и судебно-экспертной деятельности // Криминалистические средства

и методы в раскрытии и расследовании преступлений: материалы VI Всероссийской научно-практической конференции по криминалистике и судебной экспертизе с международным участием 4-5 марта 2014 г. М.: ЭКЦ МВД России, 2014. С. 433–436.

12. Дадабаев В. К., Троян В. Н., Путинцев В. А., Ковтун Э. А. Применение компьютерной томографии в судебной медицине // Военно-медицинский журнал. 2010. № 12. С. 52–53.

13. Дадабаев В. К., Колкутин В. В., Стрелков А. А. «Виртуальная аутопсия»: перспективы ее развития в Российской Федерации // Медицинская экспертиза и право. 2015. № 2. С. 12–15.

14. Гурбанов Р. А. Оглы. Европейская хартия об этических принципах применения искусственного интеллекта в судебных системах: ценностные ориентиры // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1 (80). С. 10–15.

15. Бессонов А. А. Искусственный интеллект и математическая статистика в криминалистическом изучении преступлений. М.: Проспект, 2021. 816 с.

16. Загоруйко Н. Г. Искусственный интеллект и эмпирическое предсказание. Новосибирск: НГУ, 1975. 82 с.

17. Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь. URL: https://sudexpert.gov.by/ru/centr-news.html?news_id=6377 (дата обращения: 10.07.2021)

18. Мещеряков В. А. «Виртуальные следы» под «скальпелем Оккама» // Информационная безопасность регионов. 2009. № 1 (4). С. 28–33.

19. Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике // Аубакировские чтения. Материалы международной научно-практической конференции. 2019. С. 6–9.

20. Зозуля В. В. К вопросу о применении видеозаписи при производстве следственных действий с участием несовершеннолетних // Уголовно-процессуальная охрана прав и законных интересов несовершеннолетних. 2016. № 1 (3). С. 47–51.

References:

1. On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017–2030: Decree of the President of the Russian Federation dated 09.05.2017 No. 203 // Official website of the President of Russia. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/41919 (access date: November 07, 2021).

2. On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the President of the Russian Federation of July 21, 2020 No. 474 // Garant. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/ (access date: November 07, 2021).

3. Nazarov A. D. Movement towards deformalization in proving in criminal cases // Actual problems of combating crime: theory and practice: materials of the XXIV international scientific and practical conference, Krasnoyarsk, 08–09 April 2021. Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2021. Pp. 140–141.

4. Yanushko A. V., Babanin A. V., Kuznetsova O. A. and other Protected hardware and software complex of the center for storing electronic copies of criminal case materials // Security of information technologies. 2011. No. 1. Pp. 21–29.

5. Tleubaev D. K., Imanbaev S. M., Karymsakov R. Sh. Digitalization of the Criminal Procedure in the Republic of Kazakhstan: Formation and Practice of Application // Colloquium-journal. 2021. No. 11 (98). Pp. 31–37.

6. The success of new courts and caution in social networks: what was discussed at the Council of Judges // Website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: https://www.vsrf.ru/press_center/ mass_media/29094/ (date of access: 24.10.2021).

7. La plateforme de dématerialisation des expertises judiciaires // URL: https://www.opalexe.fr/opalexe/ (access date: October 06, 2021).

8. Sargsyan A. A. Digital databases in forensic activity // Bulletin of the University named after O. E. Kutafina. 2020. No. 6 (70). Pp. 133–140.

9. Karlova A. V. 3D Modeling Method in Modern Forensic Science // MODERN SCIENCE. 2020. No. 1-3. 2020. Pp. 81–85.

10. Modern technologies in expert activity: textbook / N. A. Zhukova, I. A. Yaroshchuk, E. A. Yakovenko. Belgorod: Publishing House "BelGU"NRU "BelGU 2021. 52 p.

11. Yarmak K. V. The main directions of the development of 3D-modeling in forensic science and forensic activity // Criminalistic means and methods in the disclosure and investigation of crimes: materials of the VI All-Russian scientific and practical conference on forensic science and forensic examination with international participation on March 4-5, 2014 Moscow: EKTs Ministry of Internal Affairs of Russia, 2014. Pp. 433–436.

12. Dadabaev V. K., Troyan V. N., Putintsev V. A., Kovtun E. A. Application of computed tomography in forensic medicine // Military Medical Journal. 2010. No. 12. Pp. 52–53.

13. Dadabaev V. K., Kolkutin V. V., Strelkov A. A. "Virtual autopsy": prospects for its development in the Russian Federation // Medical expertise and law. 2015. No. 2. Pp. 12–15.

14. Gurbanov R. A. Ogly. European Charter on Ethical Principles for the Application of Artificial Intelligence in Judicial Systems: Values // Journal of Foreign Law and Comparative Law. 2020. No. 1 (80). Pp. 10–15.

15. Bessonov A. A. Artificial Intelligence and Mathematical Statistics in the Forensic Study of Crimes. Moscow: Prospect, 2021. 816 p.

16. Zagoruiko N. G. Artificial intelligence and empirical prediction. Novosibirsk: NSU, 1975. 82 p.

17. State Committee for Forensic Expertise of the Republic of Belarus. URL: https://sudexpert.gov.by/ru/centr-news.html?news_id=6377 (access date: October 07, 2021).

18. Meshcheryakov V. A. "Virtual traces"under the "scalpel of Occam"// Information security of regions. 2009. No. 1 (4). Pp. 28–33.

19. Rossinskaya E. R., Ryadovsky I. A. The concept of digital traces in forensic science // Aubakirovskie readings. Materials of the international scientific and practical conference. 2019. Pp. 6–9.

20. Zozulya V. V. On the issue of the use of video recording in the production of investigative actions with the participation of minors // Criminal Procedure Protection of the Rights and Legal Interests of Minors. 2016. No. 1 (3). Pp. 47–51.